

Цинь Сяокэ в тревоге расхаживал перед дверью операционной, то и дело поглядывая на красную табличку Идет операция, надеясь, что она вот-вот погаснет. Прошел почти час, почему же они до сих пор не вышли?

Ли Юфэн стремительно подбежал к нему, едва переводя дыхание:

— Еще не вышли?

— Ты еще смеешь спрашивать! Если бы не ты, был бы сейчас Су Сичэнь там внутри? — Цинь Сяокэ, измученный, закрыл лицо руками и медленно осел на пол.

Ли Юфэн ничего не ответил. Он помог ему подняться и лишь тогда заметил, что лицо парня насквозь промокло от слез. Ли Юфэн впервые внимательно разглядел Цинь Сяокэ и подумал, что тот, в сущности, довольно симпатичный. Его большие глаза, обычно искрящиеся умом, аккуратный носик на чистом бледном лице и нежные мочки ушей вызывали странное желание укусь их. Но сейчас, когда парень плакал, а его лицо было усыпано слезинками, у Ли Юфэна вдруг возникло непреодолимое желание крепко прижать его к себе и утешить.

Осознав, о чем он только что подумал, Ли Юфэн внезапно вспыхнул. Как ты можешь? Сяочэнь там, в операционной, а ты испытываешь такие чувства к другому! Разве ты не предаешь его?

— Я... я... — от волнения он начал заикаться, но глубоко вдохнул и продолжил: — Я уже все уладил. Эта больница принадлежит моей семье, будь спокоен, врачи сделают все возможное, чтобы спасти Сяочэня. Поручаю его тебе, я пойду...

Если с ребенком что-то случится, Ли Юфэн не сможет смотреть Су Сичэню в глаза — ведь любой видел, как тот дорожил этой беременностью.

— Хорошо, я уже сообщил Гу Ичэню, он скоро приедет. Иди, я позабочусь о нем, — Цинь Сяокэ перестал плакать. До этого его душило чувство вины, но теперь он понимал, что обязан взять себя в руки. В конце концов, он тоже несет ответственность за случившееся.

Ли Юфэн кивнул и, не сказав больше ни слова, развернулся и ушел. Цинь Сяокэ смотрел на его удаляющуюся, постепенно растворяющуюся в полумраке фигуру и вдруг почувствовал, как одиноко выглядит этот Альфа, ощутив мимолетную жалость.

Спустя еще полчаса дверь операционной открылась, и вышел врач. Не дожидаясь, пока тот заговорит, Цинь Сяокэ бросился к нему:

— Я родственник пациента, как он?

Он до смерти боялся услышать холодное: Мы сделали все, что могли.

— Состояние пациента не самое лучшее. Выявлено нарушение феромонного фона на ранней

стадии, к тому же истощение... — начал врач. Цинь Сяокэ хотелось, чтобы он говорил быстрее. Все это он и так знал. Он уже хотел спросить про ребенка, как врач добавил: — Но, к счастью, плод удалось сохранить.

Услышав это, Цинь Сяокэ почувствовал, как подкашиваются ноги. Он едва удержался, чтобы не осесть на пол, но выпрямился, внимательно слушая дальше:

— Чем ближе к поздним срокам, тем тяжелее пациенту. Рекомендую преждевременные роды, ведь внутри... вы понимаете.

Цинь Сяокэ сразу понял, что речь о двойне.

— И еще... — врач хотел что-то добавить, но Цинь Сяокэ уже услышал голос Гу Ичэня:

— Как он?

— С Сичэнем и ребенком все в порядке. Врач только что рассказал мне подробности, я позже передам.

Цинь Сяокэ виновато взглянул на доктора и получил в ответ понимающую улыбку. Врач обратился к Гу Ичэню:

— Вы, должно быть, Альфа пациента? Он перенес сильный стресс, ему нужен покой. Мы также убедились, что плод развивается отлично, поэтому живот пациента выглядит немного больше обычного.

Цинь Сяокэ почувствовал облегчение. Это не только помогло ему достичь цели, но и разом развеяло возможные подозрения Гу Ичэня. Неудивительно, что Ли Юфэн был так спокоен, оставляя Су Сичэня на попечение врачей! Цинь Сяокэ был поражен эффективностью Ли Юфэна: тот успел проинструктировать даже оперирующего хирурга.

Гу Ичэнь кивнул, показывая, что понял:

— Мой Омега еще не вышел?

Эти слова застали Цинь Сяокэ врасплох. Мой Омега? Он никак не ожидал услышать такое от Гу Ичэня. С другой стороны, формально все верно, но их отношения были куда сложнее, чем просто связь Альфы и Омеги.

Цинь Сяокэ внезапно вспомнил, что, придя, Гу Ичэнь первым делом спросил о состоянии Су Сичэня, а не о ребенке. Он прозрел: неужели тот влюбился? Врач рядом выглядел так же озадаченно — вероятно, Ли Юфэн представил им Су Сичэня как будущую супругу.

Пока Гу Ичэнь недоумевал из-за молчания присутствующих, двери снова открылись. Медсестра вывезла каталку, на которой мирно спал Су Сичэнь. Гу Ичэнь немедленно бросился

к нему — зачем нужны ответы, если человек перед ним?

Он с нежностью коснулся осунувшегося лица Су Сичэня. Как он похудел! За те дни, что его не было, Су Сичэнь по телефону уверял, что хорошо ест. Оказывается, обманывал. Сейчас лицо Су Сичэня было таким бледным, что почти сливалось с белой подушкой.

— Я сам, — Гу Ичэнь перехватил каталку у медсестры и медленно повез его в палату.

— Что именно произошло? Говори правду, — в палате Гу Ичэнь понизил голос, не желая будить Су Сичэня.

— То, что я сказал ранее: Сичэнь случайно наступил в воду и... — это была легенда, заранее обговоренная с Ли Юфэном.

Гу Ичэнь явно не поверил:

— А тот мужчина? Кто он?

— Какой мужчина? Понятия не имею, о чем ты! — Цинь Сяокэ решил стоять на своем до конца.

— Тот Альфа! Кто он такой?! — Гу Ичэнь повысил голос. Он не мог представить, что его Омега за его спиной встречается с кем-то другим. Как он мог? Он мой! Гу Ичэнь совершенно забыл, что Су Сичэнь был куплен им лишь для вынашивания ребенка.

Цинь Сяокэ испугался. В конце концов, он был всего лишь Омегой, к тому же еще не помеченным, а давление сильного Альфы, такого как Гу Ичэнь, было для него почти невыносимым.

— Кхм... кхм-кхм! — слабый голос донесся с кровати. Су Сичэнь проснулся!

Гу Ичэнь перестал давить на Цинь Сяокэ и широкими шагами подошел к постели.

— Как себя чувствуешь? — прошептал он, склонившись к самому уху Су Сичэня с невыразимой нежностью.

— Воды... — Су Сичэнь не расслышал вопроса, его горло нещадно жгло.

Гу Ичэнь только собрался повернуться к графину, как Цинь Сяокэ почтительно протянул ему стакан с водой идеальной температуры.

— Хм, позже я с тобой разберусь! — бросил Гу Ичэнь, мгновенно меняясь в лице.

Цинь Сяокэ, увидев, что тот занят кормлением, сделал страдальческое лицо. Он-то думал, что

после пробуждения Су Сичэня Гу Ичэнь оставит его в покое, поэтому и поспешил приготовить воду.

— На, пей медленно, — Гу Ичэнь помог Су Сичэню приподняться, прислонив к себе, и понемногу поил его.

Выпив полстакана, Су Сичэнь пришел в себя. Он внезапно отстранился от объятий Гу Ичэня:

— Где мой ребенок?

Гу Ичэнь едва не пролил воду, но не обратил на это внимания и другой рукой притянул Су Сичэня обратно:

— С сыном все в порядке, он цел и невредим у тебя в животе!

Цинь Сяокэ поспешно забрал стакан и тихо отошел в сторону, стараясь не привлекать внимания.

— Правда? — Су Сичэнь был вне себя от радости. Малыши живы! Они не бросили его, они любят его!

— Конечно, зачем мне тебе врать? — Гу Ичэнь, видя его недоверие, не разозлился. Он с улыбкой взял руку Су Сичэня и положил на его округлившийся живот. — Чувствуешь? Сынов послушно сидит внутри.

Су Сичэнь, ощущая под рукой тепло и жизнь, наконец успокоился. Он без всякой опаски прижался к Гу Ичэню:

— Днем он меня пнул! Вот здесь. — Он указал рукой чуть ниже.

— Правда? Жаль, что меня не было рядом, — с сожалением сказал Гу Ичэнь.

Словно услышав папу и не желая его расстраивать, живот Су Сичэня вдруг дернулся, и под кожей отчетливо выпятился бугорок. Су Сичэнь изумленно убрал руку:

— Смотри!

Гу Ичэнь, видевший такое впервые, удивленно спросил:

— Он тебя пнул?

— Нет, это очень нежно. А днем он меня даже напугал!

— Похоже, сын знает, как пожать своего папу, умница! — Гу Ичэнь осторожно коснулся пальцем выпирающего места и тут же отдернул руку. — Это считается рукопожатием?

Су Сичэнь приподнял голову:

— Может быть. А может, это была маленькая ножка!

— Неважно, ножки нашего малыша самые ароматные, правда? — в голосе Гу Ичэня сквозила гордость отца, считающего все в своем ребенке идеальным.

Затем все трое, завороченно глядя на живот, увидели, как чуть выше первого бугорка, словно росток после дождя, медленно появился второй.

— Посмотри, какой умница! Понял, что папа хочет поздороваться, и протянул ручку.

Цинь Сяокэ рядом не сдержал желания закатить глаза. Как такой блестящий бизнесмен, как Гу Ичэнь, превратился в полного профана перед лицом еще не родившегося младенца? Хотя сам он тоже мечтал прикоснуться к животу, но опасался грозного нрава Альфы.

— Малыши, конечно, самые послушные, — просиял Су Сичэнь. И почему-то ему показалось, что это второй ребенок решил проявить активность. Похоже, оба малыша хотели быть ближе к своему папе!

<http://bllate.org/book/21225/2147690>